

лігія ширша за добро. Недостатньо утилітарну мораль оголосити святиною, в неї потрібно внести релігійно-містичне християнське начало. Тільки тоді сфера етики наповниться новим змістом і стане етичною філософією.

Таким чином, етична філософія вказує на апіорну форму існування містичного християнського досвіду. Вона намічає в людському серці область безпосереднього відання (інтуїтивне значення, переживання дійсності освітлене свідомістю), яке служить ґрунтом для містики, і пояснює загальнолюдські шукання та завдання. Етично-філософському критерію належить лише вибір у різноманітті духовного досвіду, але не переробка останнього. Християнський філософ вважає перехід від етичної свідомості до християнського одкровення діалектичним процесом. Християнське життя має специфічний релігійний зміст, який не змінюється під етично-філософською точкою зору. Цей зміст – містичний християнський досвід як такий. Він не зникає з розуму людської моральності, не може раціоналізуватися в її термінах, він є нез'ясованою таємницею, одкровенням, суттю релігійного блага. Християнський досвід вступає в сферу моральності як чиста духовність, як релігійна складова, така, що володіє абсолютною істиною, самобутньою цінністю. Християнський досвід піднімає моральність до себе, а не опускається до неї. Отже, сама можливість етичної філософії реалізується тільки тоді, коли «етична свідомість людини піднімається від практичних етичних завдань до релігійного досвіду, від земних, природних цілей існування, самозбереження і зростання до божественного змісту життя» [3, с. 125].

Наукове значення дослідження духовної аксіології християнської антропології визначається тим, що воно йде назустріч двом видам пізнавального інтересу. По-перше, інтересу культурологічного: вивчення християнської антропології має особливе значення тому, що сприйняті християнством гуманістичні ідеї лягли в основу духовної культури і багато в чому визначили її своєрідність. Тому вивчення всього, що пов'язано зі становленням і розвитком християнського вчення про людину, має світоглядне, методологічне значення, зокрема, для вивчення культури України. По-друге, інтересу вузько релігієзнавчого. Релігійно-філософські уявлення про людину складають центральну тему (разом із темою божества) релігійного світогляду й найважливіший аспект світогляду віруючої особистості. Таким чином, дослідження християнської антропології, її генези й історичної еволюції розширює знання про суттєві аспекти світової і вітчизняної культури.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Тареев М.М. Истина и символы в области духа. – СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1908. – 669 с.
2. Тареев М.М. Цель и смысл жизни – СПб.: Типография А.П.Лопухина, 1912. – 536 с.
3. Тареев М.М. Философия жизни. – М.: Типография К. Солдатенкова, 1907. – 642 с.
4. Тареев М.М. Основы христианства. Сочинения: В 6 т. – СПб.: Типография „Общая польза”, 1897. – Т.4. – 831 с.

SUMMARY

In the article it is reflected creative-ethics potential of Christian anthropology, as it's interpreted by M.Tareeva, in the system of spiritual axiology of Christianity and proved value of religion, religious activity, as in the universal spiritual system of Christianity so in the structure of forming of personality life of man.

А. Н. ПОВЗЛО

МАРКСИСТСКИЙ «ВЕКТОР» ДИАЛЕКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В условиях действия рыночных отношений сущность образования двояка. С одной стороны, в процессе развития «рынка» производства образование становится все более и более «массовым», т. е. общедоступным и даже обязательным, постепенно превращаясь в «народное» образование. С другой стороны, образование, управляемое и направляемое теми или иными экономическими интересами, служа избранной части социума, жестко защищая свою корпоративность, еще мощнее укрепляет свой «элитарный» статус. Эту двойственность впервые увидел и с методологической стороны проанализировал исторические и логические «основания» такой противоречивой природы образования немецкий диалектик К.Маркс. Марксизм в своей социальной парадигме вопросам воспитания и образования отводил самое существенное место, что позволило его представителям

отстоять прогрессивные идеи французских гуманистов-просветителей и развить мысль о первостепенности образования, науки в системе общественных и производственных отношений. Марксистская методология раскрытия сущности категории «образования» требует диалектического рассмотрения этих отношений через призму меновых отношений, связанных с определенным способом производства материальных благ. «К.Маркс выводит положение о всестороннем и гармоничном развитии личности не из общих идей о человечестве, а из научного анализа крупной промышленности» [10, 4], данного им в рамках политической экономии. До отношений господства меновой стоимости, когда формы обмена и торговли находились в зачаточном состоянии, а ум и труд в одном «лице» выступали участниками воспроизводства ограниченных потребностей и возможностей, человеческая сущность предстает как некое целое, как единый «монолит» индивида с наличными реалиями его «примитивного» производства. Образование, на данной стадии, сводилось, главным образом, к передаче той суммы знаний и навыков, которые необходимы были как раз для воспроизводства «производителя в этих объективных условиях его существования и вместе с ними», что не исключало творческого отношения работника, в частности ремесленника, к конкретным «сегментам» производства. С наступлением периода развитых рыночных и экономических связей, которые уже были немыслимы вне рамок меновых отношений, являющихся выражением «всеобщего общественного обмена веществ» (в том числе обмена и распространения знаний), с одной стороны, – нарастает совершенствование и профессиональное «оттачивание» индивидуальных и общественных сил, а с другой – усиливается «дистанцирование» производителей от их индивидуального «мастерового» интеллекта и интеграция их творческих способностей, искусств уже в иную единую систему – ремесленный кооператив. В кооперации не является столь необходимым бытующее при индивидуальном ремесле единство материальных и духовных «потенций», а, наоборот, нарастает «отделение интеллектуальных сил процесса производства от физического труда». При данной форме организации труда не наблюдается совпадения знаний отдельного производителя с теми знаниями и навыками, которые наличествуют при полном технологическом цикле всей системы производства.

С одной стороны, при мануфактурном и фабричном производстве усилилось разделение функций деятельности, а также указанное несоответствие углубилось в сторону обеднения творческих и образовательных элементов (если не сказать больше) у определенной категории рабочих. «Мануфактура создает поэтому в каждом ремесле, которым она овладевает, категорию так называемых необученных рабочих, которые строго исключались ремесленным производством. Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счет способности к труду вообще, она превращает в особую специальность отсутствие всякого развития. Наряду с иерархическими ступенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных. Для последних издержки обучения совершенно отпадают, для первых они, вследствие упрощения их функций, ниже, чем для ремесленников. В обоих случаях падает стоимость рабочей силы» [1, 363]. С другой стороны, рыночная система за счет дифференциации образовательного процесса начинает порождать в массовом масштабе интеллектуальную элиту, что вызывает усиление «элитарного» образования. Углубляется интеллектуализация производства, наука становится непосредственной производительной силой (изобретения превращаются в особую профессию). Впервые в производстве наряду с живой силой труда начинают использоваться «силы» природы. Возрастает значение фундаментального образования, получают «жизнь» большое количество университетов, в области философии модными становятся идеи просвещения и гуманизма. Однако данный «прогресс» имел односторонний характер и на политике образования, способах получения знаний основной массой трудящихся существенным образом не отразился. В этом как раз проявилась «эгоистическая» сущность государства, буржуазной демократии эпохи первоначального накопления капитала.

В «Капитале» Маркса показывается, что вместе с «предустановленным» развитием своего рода интеллектуальной «оболочки» индустриального общества катастрофически нарастает число ненужных людей, лишенных не только возможности учиться, но и иметь необходимые условия жизни. Чем быстрее развиваются рыночные отношения, конкуренция, урбанизация, тем все более и более человек отчуждается и «теряет» самого себя. Чем больше в мире производится тех или иных благ, тем «темнее» становится жизнь простого человека, превращаясь в полный кошмар и абсурд. Процесс отчуждения, достигший самых высоких пределов в рыночное время, объясняется тем, что тенденции обезличивания человеческого труда с применением машин в производстве получают новый импульс. Вещь, которую производит рабочий начинает противостоять ему, эксплуатировать

его, приобретая превращенную (неожиданную) форму в непосредственном своем удвоении в глазах ее производителя (как говорится: «это не я имею машину, а это машина имеет меня»). Последний начинает придавать вещным отношениям характер своих собственных, а это приводит к тому, что «материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы» [2, 4]. Уже не сам индивидуум, а продукт его труда выступает «эталон» его индивидуальности. Не человек играет главную, определяющую роль в процессе создания материальных и духовных благ, не он – творческое начало данного созидания, а машина – приоритетный носитель производственного искусства и сноровки. «Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь...» [3, 434]. Происходит отделение живого труда, живой рабочей силы, превращенной в автоматическое орудие частичной работы, от ее объективных условий. Virtuозность действий, которая была присуща основному производителю переходит к самой машине или к универсальной технологической установке. Это создает ситуацию, когда рабочий объективно может отчуждаться и от самого образовательного процесса получения тех или иных навыков: «...образование рабочих становится излишним и невозможным» [4, 199]. И наконец, та быстрота, благодаря которой рабочий еще с юного возраста научается работать при машине, в свою очередь, устраняет для государства необходимость «воспитывать особую категорию исключительно машинных рабочих» [5, 432]. Однако государственная «машина» все-таки не может позволить себе такого пренебрежения к своему «будущему» и наделяет частичного производителя «частичными» функциями с «частичным» образованием, «внушая» ему («предмет» массовой культуры) тем самым иллюзию социального благополучия и жизненной перспективы. Данная социально-экономическая «детерминанта» в качестве первоочередных мер требует от государственной системы последовательного преодоления неминуемых «издержек роста» эпохи научно-технических, индустриальных преобразований, а именно: отчуждения человека от труда, от результатов своей деятельности, отчуждения от общества и от самого себя; превалирования низкосортных архетипов «массового среднего человека», навешанного в общественное сознание «массовой культурой». Для этого, в первую очередь, государству и общественному сознанию необходимо избавиться от стереотипов «элитарного» подхода к образованию и в рыночных условиях сделать максимально возможное для того, чтобы «обратить» знания ко всему народу.

В марксистской теории получает отображение тот возможный «социальный вариант» со всей его необходимой атрибутикой диалектического моделирования «системы», в рамках которого объективно осуществляется освобождение от архаичных стереотипов формирования человека и получает дорогу принцип универсального развития личности. Марксистское доказательство строится на логическом прослеживании исторической «аксиомы» социальной системы: если в первом из двух «компонентов» этой системы – **производстве** имеет место развитие передовых технологий индустрии, то значит и во втором ее «компоненте» – **социальном потреблении** (куда входит весь комплекс воспитательно-образовательных «ингредиентов») с необходимостью будет разворачиваться соответствующее «преобразование» первичных технологий во вторичные технологии и наоборот. В данном диалектическом «взаимопреломлении» элементов системы допускаются, в том числе и такие трансформации, когда производство в его «превращенной форме» есть одновременно первоначальная стадия потребления, а «социальное потребление» есть первоначальная стадия производства. Логика марксизма исходит из того, что рыночная система жизни с ее конкуренцией не только не должна выталкивать рабочего из своей «сферы», но и принуждает неукошительно заниматься ему более возвышенной деятельностью, нежели чем только его доведенным до автоматизма физическим трудом. Эта тенденция может стать реальностью только в том случае, когда меновые отношения рынка будут преодолены как ограничительный «барьер» в развитии материального производства, а значит и всего общества. Это, в свою очередь, может произойти только тогда когда меновые отношения «производства» (схема: интерес капитала – прибыль) трансформируются в меновые отношения «социального потребления» (схема: интерес прибыли – социум). Весь этот процесс всесторонне обосновывается в теории прибавочной стоимости К.Маркса, где отмечается, что с самого периода зарождения рыночной системы получение прибыли всегда зависело от степени использования в производстве живого труда. В условиях же применения научно-технических достижений коренным образом меняется смысл и функциональное предназначение прибыли, да таким образом, что необходимый и прибавочный

труд рабочих масс к понятию прибыли теряет какое-либо отношение, так как подлинным богатством-прибылью, реальным капиталом общества становится всеобщее развитие человека. «Труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства ... меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости. Прибавочный труд рабочих масс перестал быть условием для развития всеобщего богатства ... тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости ... происходит свободное развитие индивидуальностей ... чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т.п. развитие индивидов...» [6, 214]. На наших глазах всеобщая эксплуатация физического труда трансформируется во всеобщую эксплуатацию умственного труда, но это уже есть огромный «шаг» к свободе, так как при такой социально-производственной модели не столько общество работает на увеличение прибыли, а сколько прибыль служит развитию каждого индивидуума в обществе, а «условием свободного развития каждого, является условие свободного развития всех».

Вообще мы пока живем в такое время, когда не только непосредственный производитель, но и любой субъект жизнедеятельности «аргігі» приносится в жертву технологического развития машинной индустрии, как необходимого условия цивилизованного совершенствования общества. Получается, что человек (его «жертвование») является необходимым условием становления индивидуальных и личностных качеств для другого индивидуума. К сожалению, это является социальным законом или общечеловеческим «императивом-вектором», который независимо от роли отдельного человека регулирует и управляет механизмом воспроизводства и совершенствования общественных отношений. Метаморфоза данной исторической «сделки» заключается в том, что «более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву». В целом же все это формирует условия для совершенствования всей «массы» индивидуальностей. Диалектика исследуемого процесса такова, что разворачивающееся господство машины и техники рассматривается в данном случае не через «призму» отчуждения индивида, а через призму изучения особенностей объективной детерминации «технологии» развития личности. Капитал, как технологическое потребление универсального «продукта» производства, в конце концов, ставит на «повестку дня» вопрос о возможности и необходимости использования большей «многосторонности» рабочих, начиная тем самым решать величайшую историческую задачу: «... частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом...» [7, 499].

В основу своего исторического оптимизма марксистская методология поставила, кроме практического критерия: «добьемся мы освобождения своею собственной рукой», – теоретический критерий: **гегелевскую методологию** рассмотрения логического противоречия и модель его развития: от фазы «логического основания-тождества» до фазы «диалектического снятия-противоречия». По мнению Маркса, рыночная экономика путем «проб и ошибок» пройдя в своем развитии все предначертанные для нее стадии «роста», в силу крайней степени обострения своих противоречий и интересов, «дозреет» до такого состояния своего «снятия», когда от производительных сил останутся только одна «высочайшая» техника, «белые воротнички» и научная элита. Когда производство, творчество, потребление, талант станут единым, целенаправленно и системно действующим Целым, тогда определяющее значение во всем технологическом цикле, в его расширенном воспроизводстве начнет играть не рабочий-исполнитель и т.д., а сам автономно действующий социально-экономический «организм». Теперь его жизнедеятельность уже не будет зависеть от классических «экономических категорий» политической экономии: переменного капитала, от необходимого рабочего времени, конкретного и абстрактного труда, – а будет зависеть только «от общего уровня науки» и «границ образованности». В таком случае, понятие «прибавочной стоимости» выходит далеко за пределы реальной «проходной» завода и самым непосредственным (прямым) образом становится связанной с важнейшими социальными отношениями в области науки, образования, культуры, медицины и т.д. (обмен веществ, меновые отношения выросли из своих «старых штанишек» и получают существенный простор для дальнейшего обновления «рыночного организма»). Рыночный интерес в новых отношениях видит свой «козырь» (капитал-прибыль) не в эксплуатации необходимого рабочего времени непосредственного производителя, а в присвоении «его всеобщей производительной силы», в совокупном «распредмечивании» этой силой законов «...природы и господство над ней...» [8, 213], которое в абсолютном виде может сохраняться, поддерживаться и развиваться посредством применения передовых технологий образования и знания. Так,

последовательное и непрерывное «превращение» рынка капитала подводит социум к пониманию того, что основным фактором его развития становятся образование, информация и знания. Человек из состояния отчуждения по отношению к «совокупной силе» производства переходит в состояние «совокупного творца» данной «силы» производства. Он начинает осознавать себя субъектом своей собственной жизнедеятельности и сам стимулирует всестороннее развитие своих способностей. А «капитал добавляет сюда то, что он всеми средствами искусства и науки увеличивает прибавочное время народных масс» [9, 217], которое уже стало «свободным» от непосредственного участия на производстве временем. Рыночный капитал, продолжая получать прибавочную стоимость, сводит до минимума совокупное рабочее время, тем самым удлиняя свободное время и превращая того, «кто им обладает в иного субъекта» (делая существенный шаг к «эмансипации» человека). Таким образом, понятие «образование» в теории К. Маркса является идентичным понятию «человеческой эмансипации». Логика в этом случае следующая: человеческая эмансипация – это «превращенная форма» человеческой свободы, человеческая же свобода немыслима вне системы прогрессивных знаний, которые достаются человечеству посредством просвещения и образования, в том числе, не только в нелегкой борьбе с силами непримиримого капитала, но и со своим собственным невежеством.

Наличие свободы, пусть еще в качестве «эмпирии» какого-то интервала свободного времени – это уже подлинное достояние и неисчерпаемое богатство человеческой цивилизации, гарант активного, творческого, целостного развития личности, которое в полной мере может иметь место только в свободном обществе. Свобода будет основана на совокупном капитале материальных и духовных ценностей общества. Таким образом, капитал, как высшее достижение «царства необходимости», впервые ставит вопрос о формах жизнедеятельности людей в «царстве свободы». С точки зрения образования, данный переход будет возможным только на основе свободного развития всей системы государственного и общественного образования и воспитания, что связано с установлением в системе управления данной отраслью принципов «гражданского компромисса». Как только образование становится основным капиталом общества, тотчас же отпадает проблема его элитарности и недоступности. Прообразы такого образования уже просматриваются в наше время. Сегодняшним практическим примером коренной переоценки методологии и методики образования, по своей идее и полезным функциям, может служить функционирование единой мировой компьютерной сети или системы интернет. Эта система «увязывает» образовательный процесс в целостную планетарную систему знаний. Интернет (а может быть какие-то другие мировые компьютерные сети) при условии *качественной* интенсификации процесса компьютеризации должен уже в недалеком будущем реально претендовать на роль мобильной и имеющей огромный спрос мировой модели образования. Под огромным воздействием таких мировых компьютерных систем, функционирующих в качестве *качественных* прогрессивных технологий образования, будет «трещать по швам» (что уже на наших глазах и происходит) то, что американский профессор О.Тоффлер назвал «мировой индустриальной системой», «образом жизни, который был создан промышленной революцией». Если обратиться к теоретической «модели» исторической периодизации развития общества, данной О.Тоффлером, то к «контексту» нашего методологического «рядя» напрашиваются определенные аналогии между понятиями «царство необходимости» и «индустриальная волна», а также между понятиями «царство свободы» и «информационная волна». О чем это говорит? В первую очередь о том, что социально-философская мысль эпохи буржуазных отношений имеет ярко выраженную логическую связь и последовательность. Она отстаивает идею о том, что общество не может стоять на месте и через образование и науку постоянно ищет новые формы социального бытия в неукоснительном направлении к личностной свободе. И это, действительно, диалектическая спираль. Царство свободы как абсолютное развитие личностных качеств человека в его непрерывном («пожизненном») образовании предполагает под собой широкую и универсальную «сеть» обмена мнениями и общения (вот это и есть новая «модель» меновых отношений, нового «рынка»!). Оно впервые делает возможным существование планетарного мира как единого целостного «организма», в котором будет править «масса» индивидуальностей, что является реальным воплощением в действительность главного марксистского «вектора» диалектики образования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал. – Маркс К. Энгельс Ф. Соч. – т.23.
2. Маркс К. Из речи на юбилее «THE PEOPLE'S PAPER». – Там же. - т.12.

3. Маркс К. Капитал. – Там же. - т.23.
4. Маркс К. Заработная плата. – Там же. - т.6.
5. Маркс К. Капитал. – Там же. - т.23.
6. Маркс К. Критика политической экономии. – Там же. - т.46, ч.2.
7. Маркс К. Капитал. – Там же. - т.23.
8. Маркс К. Критика политической экономии. – Там же. - т.46, ч.2.
9. Там же.
10. Нойнер Г. Жизнеутверждающая сила идеала воспитания Карла Маркса // Советская педагогика. – 1983. - №5.

SUMMARY

This article tells about methodological aspects of analyze of category “Education” in the system of marketing relations. In the process of describing the main role has the meaning of Marxist “vector” of dialectic methodology of knowledge the main point of education. This “vector” points to the twofaced and contradictory nature of education, including modern times. Author expresses the confidence in that the development of “national” education will became one of the meanest formation factors of free coils community.

С. М. ПОПОВ

ВЗАЄМОДІЯ ПОЗИТИВНИХ І НЕГАТИВНИХ ЗВОРОТНИХ ЗВ'ЯЗКІВ У СОЦІОПРИРОДНИХ СИСТЕМАХ ТА ЇХ ВПЛИВ НА КУЛЬТУРНО-ІСТОРИЧНИЙ ПРОЦЕС

Людство сьогодні переживає глобальні екологічні негаразди, що являє собою наслідком системної кризи соціуму, що у значній мірі пов'язано з його духовною складовою, яка рефлектує розвиток світогляду, котрий проголошує примат особистості над релігією, суспільством, державою, оточуючим середовищем. Отепер при помітному загостренні протиріч їх посиленню та підвищенню значної кількості руйнівних збуджень, особливо з позитивними зворотними зв'язками для пошуку виходу з глобальної екологічної кризи, яка загрожує перерости у катастрофу, необхідно у першу чергу встановлення мотиваційних підстав різкого ускладнення взаємовідносин суспільства і оточуючої природи не тільки як довколишнього середовища, а як систему комплексів соціуму у єдиній **соціоприродній системі**. Первопричину екологічної кризи, яка знаходиться на поверхні багато вчених помічають в інтенсивному практично без контрольному забрудненні навкружного природного середовища, пов'язаному з бурхливим розвитком промисловості з другої половини ХІХ століття. Проте глибокий взаємозв'язок кризи з культурно-історичним розвитком людства свідчить про суттєве протиставлення соціуму і біосфери вже у період античних, віддалених, чи доісторичних цивілізацій, багато з яких переносили та переживали, як регіональні так і глобальні екологічні нестатки, а наслідком для деяких з них стало повне їх зникнення як соціально-культурного утворення. Причиною багатьох катастроф у більшості випадків виявилось споживацьке не розумне відношення до оточуючого середовища, нехтування законами природи, що спричиняло як об'єктивні та суб'єктивні дії які перевищували критичний рівень допустимої чисельності та типу збудження виводячи систему із рівноваги. Виходячи з цього розуміння та аналізу відомих історичних подій й антропологічних чи археологічних свідчень екологічної кризи з високим ступенем вірогідності у загальних випадках є наслідками духовних криз, тому культурно-історичний процес у цьому аспекті представляє собою «великий зріз екології». Отже, подолання системних криз повинно спиратися в своїй основі на духовне начало, що представляє докорінну зміну людини до природи, до місця людини в оточуючому середовищі. Виникнення **мегаекології** (Н.Ф.Реймерс) дозволяє говорити про процеси екологізації знання, в контексті якої будь-яка сфера сучасної науки повинна розглядатися з точки зору взаємовідношення цивілізації і біосфери. Саме тому механізм підтримки екологічної рівноваги у природних і соціоприродних системах **визначається дією прямих і зворотних зв'язків**, аналізу чого майже не приділялася велика увага. Саме це й визначило актуальність даної роботи.

На протязі тривалого часу історія цивілізацій і культури у нашій свідомості явно превалювала над історією біосфери та антропогенного впливу на неї. І це можна пояснити тим, що динаміка часу у рамках біосфери і цивілізації у більшості випадків була взаємовиключною. Ідея про культурно-історичні типи локальних цивілізацій вперше висунута у доробку Н.Я.Данилевського «Росія і Європа: погляд на культурні і політичні відносини слов'янського світу до германо-романського» (1889р.), у якому виокремлено 11 типів цивілізацій; у творах А. Тойнбі [1, 736] та О. Шпенглера [2, 146